

К. Г. Паустовский

ПАУСТОВСКИЙ Константин Георгиевич [19(31).5.1892, Москва — 14.7.1968, Москва; похоронен в г. Тарусе] — прозаик.

Отец — железнодорожный статистик, обладавший вопреки своей сугубо прозаической профессии богатым воображением и «страстью к перемене мест» (эти черты, судя по всему, полностью передались будущему писателю, весьма точно, вплоть до статистических данных в своей прозе), и жаждой к путешествиям, которую он удовлетворил едва ли не полностью, исколесив всю Россию, Сибирь, Среднюю Азию и побывав во мн. странах Европы. Мать происходила из семьи служащего сахарного завода и отличалась, по воспоминаниям сына, властностью характера. Более далекие предки вели свою родословную от запорожских казаков, а бабка П. была турчанкой. Семья была очень большая и склонная к занятиям искусством — пели, играли на рояле, обожали театр. Родившись в Москве, П., однако, провел свое детство и юность в Киеве и считал его своим родным городом. Он учился в классической гимназии, где одновременно с ним учились Михаил Булгаков, будущий драматург Борис Ромашов, режиссер Берсенев, композитор Лятошинский, актер Куза и певец Вертинский.

Еще будучи гимназистом, П. написал и опубликовал в киевском лит. ж. «Огни» свой первый рассказ (1912), называвшийся «На воде». Произведение было слабым, но, как ни странно, в нем уже угадывались ха-

рактерные черты стиля будущего писателя. В 1912, окончив гимназию, П. поступил в Киевский ун-т, в 1914 перевелся в Московский. С осени 1914 он служит санитаром на поездах, перевозивших раненых; освободившись от службы, начал свои скитания по стране — работал на заводе в Екатеринославле, затем в Юзовке, Таганроге, рыбачил с артелью на Азовском море. Все это дало ему массу впечатлений и конкретных знаний. В свободное время писал свою первую повесть с характерным для П. названием «**Романтики**» — она была опубликована лишь в 1935. В ней, как нередко у П., почти нет сюжета, герои живут в мире чувств и высоких мечтаний.

После Февральской революции П. работает репортером в московских газ. Потом — вновь бесконечные скитания по стране: Киев, служба в Красной Армии и, наконец, Одесса, сыгравшая в его писательском становлении весьма заметную роль. Там, в редакции газ. «Моряк», он познакомился с В. Катаевым, И. Ильфом, Э. Багрицким, Г. Шенгели, И. Бабелем, С. Кирсановым. И — снова странствия: Сухуми, Батуми, Тифлис, Ереван, Баку, Джульфа. В будущих произведениях все эти места так или иначе найдут отражение. Потом — Москва, работа в РОСТА. Наконец, первая книга рассказов «**Морские наброски**» (1925), следующая, «**Минетоза**», вышла в 1927, а роман «**Блισταющие облака**» — в 1929. Они написаны напряженным, порою аффектированным романтическим стилем, что тогдашняя критика ставила ему в упрек, видя в них эпигонское подражание А. Грину. П. и Александр Грин — натуры, конечно, родственные. Не случайно П. с такой любовью нарисовал образ автора «Алых парусов» в своем первом романе «Романтики» (иногда он обозначался как повесть), а в повести «**Черное море**», изображая писателя Гарта, он, по его словам, вспоминал о своем старшем друге А. С. Грине. Разница между ними заключалась, однако, в том, что П. мечтал побывать в странах, хотя и далеких, но — в отличие от стран А. Грина — реально существующих на Земле, он заранее воображал себе их, предвкушая свою будущую, правда казавшуюся несбыточной, встречу с ними. Когда такие встречи происходили, П., по его признанию, испытывал странное состояние «сна наяву». Вся силу своего воображения он стремился направить на то, чтобы увидеть необычайное в обычном и обычное в необычайном. Точность конкретных описаний, бережная передача реальных подробностей, неукоснительная достоверность помогали ему выявлять внутренне торжествующую по-

этичность жизни, романтичность и волшебство, присущие не вымыслу, а ей самой. В своих странствиях он не был путешественником-созерцателем, а стремился своим словом активно вмешаться в жизнь. Так, летом 1932 он задумал книгу об уничтожении пустынь. П., по его признанию, объехал «все берега Каспийского моря» и создал повесть **«Кара-Бу-газ»** (1932). Она основана на точных и перепроверенных фактах. В повести **«Колхида»** (1934) историю осушения Колхиды П. изображает как историю становления человеческих характеров.

Повесть «Черное море» (1936) он задумал написать и написал как своего рода худож. лоцию. «Черное море» действительно вышло из-под пера автора произведением резко своеобразным, заметно не похожим на его же более ранние «морские» рассказы и повести, но в то же время повествование сохранило все живые стилистические, образные и мелодические связи с прежним творчеством своего создателя. «Прививка науки», т. е. внимание писателя к специальным вопросам географии, аэрологии, океанографии, биологии, геологии, а также археологии и истории, оказалась настолько органичной, так естественно растворившейся в тексте, что читатель не ощущает при чтении ни малейших трудностей и даже не догадывается, что его порою весьма основательно «просвещают». Повесть «Черное море» при всей ее необычной оснащенности и завидной «грузоподъемности» кажется легкой и грациозной, как белокрылое парусное судно. Юг, внимательное изучение Причерноморья научили П. наблюдательности, изощрили зрение, приучили к самой мысли о невероятном по разнообразию цветовом составе мира, а его слух — к могучей полифонии земли, воды, горного стремительного воздуха.

Однако после юга, который, казалось бы, навсегда приковал его внимание, он перешел к северу. П. написал несколько маленьких повестей и рассказов, которые так и назвал «северными». Написал и о Ленинграде, о его колдовских белых ночах. Прежде все это было знакомо ему лишь по лит-ре. В центре **«Северной повести»** (1938) — эпизод декабристского восстания, затем нить сюжета протягивается через столетие и связывает между собой различных потомков героев 1825. Так, благодаря северной теме писатель подошел к теме исторической, и она выразилась по-разному в его произведениях. В отличие от исторической манеры Ю. Тынянова П. не реконструирует прошлое, а стара-

ется заразить читателя ощущением неожиданного и острого родства с биографией своего отечества.

Однако север, как оказалось, подготовил П. к встрече с главной его любовью, его последней до конца жизни, земной привязанностью. То была традиционная для русской классической лит-ры Средняя Россия. П. облюбовал в ней тот сравнительно небольшой и болотистый угол, что лежит недалеко от Москвы и Рязани. Край прорезан лесными речками, богат озерами и озерами, с юга он ограничен Окой. Из писателей, современников П., только М. Пришвину и И. Соколову-Микитову удалось в полной мере передать очарование срединной России с такой силой высокой поэзии, как это сделал П. в **«Мещерской стороне»** (1939). Его худож. слово бережно и радостно соприкоснулось с нетленными пейзажами И. Тургенева, Л. Толстого, Н. Лескова, И. Бунина. В глубине его мещерского цикла светится левитановская пейзажная лирика. Вдохновленный Мещерой, П. написал о Левитане (**«Исаак Левитан»**, 1937), возможно, и книга **«Орест Кипренский»** также связана глубинными нитями с постижением им срединной России. Характерно вместе с тем, что очарование, испытанное им в Мещере и переданное с тонкой поэтичностью в «Мещерской стороне», он, автор «Черного моря», тоже «проверил алгеброй». Он изучил топографию края, его историю, почерпал из разных источников сведения о его недрах. Заслуга П., помимо, разумеется, чисто худож. достижений, заключалась еще и в том, что он совершил своеобразное «географическое», психологическое, но главным образом поэтическое открытие буквально «под носом» у Москвы и Рязани. Нужно было обладать могучим воображением и натурой страстного путешественника, чтобы как бы заново открыть целый край и подарить его миллионам читателей как драгоценную жемчужину природы. В «Мещерской стороне», как почти всегда у П., нет внешне занимательного сюжета или хитро завязанной фабулы. Но повесть читается с неослабевающим интересом. Более того, читательский интерес по мере чтения даже возрастает. В книге множество историй, связанных с жителями края, целая галерея колоритных характеров. В главке «Родина талантов» он рассказывает о художниках — уроженцах этих мест: гравере Пожалостине, живописцах Архипове и Малявине, скульпторе Голубкиной, но не менее интересны у него и безвестные люди — сторожа, пастухи, паромщики.

Во второй половине 1930-х П. публикует главным образом небольшие рассказы, как бы отпочковывающиеся от мещерского цикла. В цикле рассказов **«Летние дни»** (1937) он с неторопливым лиризмом показывает и внушает своему читателю, что жизнь сама по себе уже есть счастье и оно тем продолжительнее, чем больше человек ценит в ней каждое мгновение. Люди у него в этих рассказах заметно отстранены от своих прямых, профессиональных дел — это истории о рыбной ловле, об охоте. Легкий флер сентиментальности, заметный в них, все же не портит произведений, поскольку главная задача художника, с блеском им выполненная, — это воспеть красоту и прелесть обывденной жизни. Относительно самого жанра рассказа у писателя были твердые, выношенные убеждения. Отчасти он изложил их много позднее в **«Золотой розе»** (1956) — этом своеобразном трактате о словесном мастерстве, выросшем из лекций, читанных студентам Лит. ин-та. Но к своим излюбленным идеям он возвращался в самых различных произведениях, в т. ч. даже и в самих рассказах. Главной его мыслью было — не придерживаясь канонов, окостеневших правил и теоретических предначертаний. В рассказе **«Во глубине России»** П. утверждает, что надо писать вольно, а не сковывать себя ни железными, ни «золотыми законами».

Во время Великой Отечественной войны П. — на Южном фронте, он работает в армейских газ. в качестве военного корреспондента, пишет корреспонденции, очерки, короткие зарисовки и рассказы. Одновременно создает роман **«Дым Отечества»**. В нем он возвращается памятью к Ленинграду, его волнует и одновременно восхищает судьба города, зажатого в блокаде, но сумевшего выстоять. В центре — люди искусства, художники, актеры фронтовых бригад, самоотверженные хранители бесценных сокровищ искусства. Судьба самого романа оказалась необычной: он был, казалось бы, безвозвратно утерян, но через 20 лет найден и опубликован.

После войны П. впервые попал на Запад. Он был в Чехословакии, Италии, Турции, Греции, во Франции, Голландии, Швеции. То были туристские поездки, но внимательному взору П. они открыли многое. Еще раньше в своем воображении, по признанию писателя, он уже побывал в некоторых из этих стран. Особенно с юности любил Париж, начертил подробную карту города. Его путевые очерки и рассказы проникнуты ощущением родства людей всех стран мира.

Основное внимание в послевоенные годы П. уделит работе над **«Повестью о жизни»**. 1-я книга повествования — **«Далекие годы»** — вышла в 1947, 2-я — **«Беспокойная юность»** — в 1955, в Тарусе он закончил 3-ю — **«Начало неведомого века»** (1956) и там же 4-ю — **«Время больших ожиданий»** (1957), 5-я, **«Бросок на юг»**, завершена в 1960, а 6-я, **«Книга скитаний»**, — в 1963. В них отразилась российская действительность первых десятилетий XX в. Грандиозные события того времени, потрясенного революцией и Гражданской войной, преломлены через множество фактов, выразительных деталей и великое разнообразие человеческих судеб. Характерная черта этого своеобразного автобиографического эпоса — его задушевность и лиризм. В обширном полотне, охватывающем несколько десятилетий, П. остался верен своей манере рассказчика, новеллиста и поэта в прозе. Критика справедливо писала, что в тех местах повествования, где П. стремился быть «летописцем» и несколько отходил от своей обычной лирической манеры, а значит, и от собственного «я», т. е. от исповеди, он оказывался слабее. Не в его духе было просто реконструировать исторические события, свидетелем и участником которых он был, в их последовательности и неизбежности, в строгой историчности. Конкретно-исторический материал эпохи он, как правило, заметно преобразует, расцветчивает живописными и лирическими подробностями, опираясь на свое воображение. Поскольку его книга, однако, претендовала на своего рода историческую хроникальность, он все же не мог не осветить тех фактов, которые были исключительно важными для эпохи, но свидетелем которых, по разным обстоятельствам, он не был. Именно в таких местах он как художник обычно слабее, и историки указывали на допущенные им неточности. Но основной поток автобиографической повести все же движется по руслу сугубо личных припоминаний и пережитых когда-то впечатлений. Среди многочисленных мемуарных книг, созданных в советское время, «Повесть о жизни» П. — одна из самых значительных. Лирическая по манере, сосредоточенная на личном душевном опыте, она показывает эпоху в достаточно широком ракурсе. Судьба художника и судьба времени тесно переплетены в ней и представляют нерасторжимое единство. Поэт-романтик в своей прозе, П. продолжил и развил в лит-ре романтическое начало, его лирическая манера рассказывать о крупных эпических событиях оказала влияние на мн. писателей-современников.

Соч.: СС: в 6 т. М., 1957–58; СС: в 8 т. М., 1967; Потерянные романы. Калуга, 1962; Избранная проза. М., 1965; Повести и рассказы. Челябинск, 1971; Повести и рассказы. Л., 1979.

Лит.: Львов С. Константин Паустовский: Критико-биографический очерк. М., 1956; Левицкий Л. Константин Паустовский: Очерк творчества. М., 1963; Ильин В. К. Паустовский. Поэзия странствий: Лит. портрет. М., 1967; Кременцов А. И. К. Паустовский. Жизнь и творчество. М., 1982; Трефилова Г. П. Паустовский, мастер прозы. М., 1983; Макарова Ф. Р. К. Паустовский и север. М., 1994; К. Паустовский: библиографический указатель (100-летие со дня рождения писателя) / сост. И. И. Комаров, М. К. Сазонова. М., 1995.

А. И. Павловский

ПЕЛÉВИН Виктор Олегович [22.9.1962, Москва] — прозаик.

Родился в семье военного. Окончил школу, по собственному признанию, «почти с золотой медалью». В 1989 окончил Московский энергетический ин-т, учился в аспирантуре и Лит. ин-те им. М. Горького на вечернем отделении. Посещал семинар известного в 1970–80-е критика М. Лобанова. Разочаровавшись в системе преподавания, П. после 1-го курса перестал ходить на занятия. Работал инженером, журналистом. В жизни любит розыгрыши, мистификации, дает интервью, в которых путает даты (так, к примеру, дату своего рождения он избирательно обозначает то 1962, то 1967) и заставляет собеседника принимать участие в создании легенд и мифов о своей жизни и творчестве. Живет в Москве.

Самый известный писатель своего поколения, кумир молодежи 1990-х, П. опубликовал свой первый рассказ в 1986 в ж. «Знание — сила». Рассказ «**Водонапорная башня**» был признан одним из лучших на IX Всесоюзном совещании молодых писателей и опубликован в альм. «Истоки» (1990). С конца 1980-х начинает активно печатать рассказы в ж. и сб., распространять их компьютерные версии. Первый сб. рассказов П. «**Синий фонарь**» (1991) получает в 1992 премию Малый Букер.

Сначала критика прозу П. обозначала как «фантастическую», потом, после выхода в свет повести «**Омон Ра**» (1992), стала относить творчество П. к соц-арту, затем его причислили к постмодернистам, а потом охарактеризовали как «классического русского постмодерниста» (С. Корнев).

Споры о творчестве П. не прекращаются до настоящего времени — они касаются и проблематики его произведений, ориги-

нальной и допускающей многовариантную трактовку поэтики, нарушающей все горизонты ожидания читателя, и технологии его популярности, в поле которой оказываются представители разных возрастных, социальных и профессиональных групп.

Разброс критических трактовок феномена П. поразительно разнообразен. Так, его творчество оценивали как «систему текстов-клипов», написанных писателем, «нетвердо знающим русский язык» (А. Слаповский), его прозу называли «турбо» реалистической, главным героем которой, по мнению критика, является «живой мертвец», а реальность конструируется «из кусков собственных, порой довольно смелых, чаще довольно вялых придумок» (П. Басинский). Творчество П.— «очень интересный пример практически полного совмещения увеличительного стекла и зеркала, направленных в разные стороны» (Р. Арбитман). «Тексты Пелевина спокойно встраиваются в ряд великих, значительных и просто приметных произведений». (И. Роднянская). «В Пелевине вообще есть что-то варварски-свежее, как в рекламных роликах о жвачках и прокладках, где юноши и девицы с изумлением обнаруживают, какие они вкусные и тоненькие» (П. Басинский). Именно П. Басинский оценил прозу П. в классических рамках лит-ры XIX в.: по его мнению, это смешение традиций Чернышевского и Булгарина, своеобразная «массовая культура», прикрытая некоторым слоем интеллектуального вещества. «Интеллектуальной попой» называет эту прозу А. Архангельский. В том же духе классифицировал прозу П. и А. Немзер, который представляет ее как коллаж популярных анекдотов с игрой в философичность, присущей инфантильному поколению подростков конца XX в. Роман «**Generation „П“**» П. один из критиков расценивает как «смесь из банальностей, нехитрых ребусов и плагиата...» (М. Золотоносов). Др. критик сожалеет, что в прозе П. отсутствует традиционный для русской лит-ры психологизм и этический пафос (Л. Пирогов).

Многие, писавшие о творчестве П., воспринимают его прозу как чисто постмодернистскую: хаотичную, насыщенную разными эстетическими и массовыми слоями, игрой с цитатами, с читателем, начиненную смысловой невнятицей, эпатажем, этическим плюрализмом, эзотерической абракадаброй, антихристианскими мотивами и т. д.

С. Корнев писал о двойственности писателя. На первый взгляд он — писатель-постмодернист, работает на «границах себя», «когда не ясно, говорят ли это всерьез или это из-